

Моск. новости - 1995. - 2-й июль. - с. 17.

ОЛЕГ ТАБАКОВ

С актером, режиссером и педагогом Олегом Табаковым беседует обозреватель «МН» Нина Агишева

Олег Табаков упрекнул меня, что из актеров его поколения или чуть моложе – например, Ольги Яковлевой – мы, критики, любим делать кумиров, он даже выразился – «восковую парсуну», а они живые люди со своими не исчезающими с приходом славы сомнениями, тревогами и проблемами. Поэтому оставим в стороне блистательный фасад его собственного творческого бытия – ректор Школы-студии МХАТа, руководитель процветающего театра-студии на улице Чаплыгина, президент русско-американского театрального центра в Бостоне и, самое главное, один из первых сегодня русских актеров, что он только что доказал еще раз своим Иваном Коломийцевым в «Последних», – и поговорим на взрывоопасные темы: как он сочетает службу Мельпомене с театральным предпринимательством, как строит отношения со спонсорами, учениками и собственными детьми.

МН: Вы сегодня на редкость успешный театральный педагог: самые заметные события на сцене и на экране связаны с именами Евгения Миронова, Владимира Машкова, Александра Маршала, Сергея Газарова... В чем ваш секрет, и почему многие ваши ученики становятся режиссерами?

– Потому что я не комплекую от их успехов. Понимаю, например, что по режиссерской одаренности Володя Машков меня превосходит. Хотя для него еще пока самовыражение важнее способности повернуть актера какой-то новой гранью.

А вообще успех этих ребят – заслуга не столько моя, сколько школы, которую я исповедую. Это закономерное проявление того, что называется русским реалистическим актерским театром. Секрет, если он и существует, в полнорочности их ученического бытия, в использовании всех семи нот сразу. Нельзя учить по частям: сначала этому, потом тому. Я набираю молодых, шестнадцати-семнадцатилетних, и сразу предлагаю им работать с максимальной нагрузкой. За первый год – три или четыре самостоятельных показа, из которых я запоминаю только победы. Потому что внутренне свободен лишь тот артист, который познал успех. Плюс чеховский тренинг (его ведет Михаил Лобанов) – попытка прислушаться к себе. Актеру важно постичь себя, а это не сразу получается.

МН: Эти ребята сильно отличаются от вашего актерского поколения?

– Да, и прежде всего отсутствием страха, что является непременным условием «езды в незнаемое». Бывают гении вроде гимнастки Ольги Корбут, которая, казалось, просто не знала закона всемирного тяготения и делала такое, что меня, например, приводило в иступление. У моих ровесников существовало множество табу. Одно я говорил тогда, когда мама была рядом, другое – в подушку, третье вообще страшно было произнести и разрешалось об этом лишь думать. Вся моя жизнь, начиная с приезда в Москву и первых лет учебы, представляла собой сложный путь от конформиста к человеку.

МН: Но на каком пьедестале в те годы был театр, и что он сейчас? Не кажется ли вам, что для поколения ваших учеников это не менее серьезная проблема?

Алексей САЗОНОВ

“ ...власть меня любила всегда... ”

– Я не ощущаю никакого театрального упадка, может быть, оттого, что всегда был очень честолюбив. Наверное, и в диссиденты не пошел из-за неумемного честолюбия. Еще в 1960-м, ощутив пьянящий успех «Голого короля», я бежал от двусмысленности Таганки: мне казалось, что по искусству, по ремеслу многое там было несовершенно, дилетантски. Это не означает, что я не плакал на «Зорях», не видел прекрасной слаженности и единства «Доброго человека из Сезуана», где выработывалась новая – не моя, мне чужая, но новая эстетика. Да, тогда театральные пьедесталы во многом «подпирались» запретами и тому подобным. Но мы и сегодня на улице Чаплыгина чувствуем себя неплохо.

МН: Поэтому вы отсюда и не уходите?

– Нет, не поэтому. Этот подвал не только для меня, но и для всех ребят себя уже изжил. С 1979-го прошло шестнадцать лет! Я не могу поставить «На всякого мудреца довольно простоты», «Хитроумный план щеголей» Фаркера, Машков – «Вия», «Трехгрошовую оперу». Но никогда не возьму здания, из которого будут выгонять живущих или работающих там людей: трижды уже отказывался от таких вариантов.

МН: Вы сыграли Ивана Коломийцева в «Последних» не столько палачом, сколько жертвой истории. В чем, по-вашему, его вина?

– Русский интеллигент, который пошел во власть, обречен, он кончит плохо, потому что без конца самооправдывается.

МН: Что же, у власти в России немислимы порядочные люди?

– Я думаю, должно пройти некое санитарно-санационное время. Как же иначе, если уничтожен почти весь культурный слой нации, осталось ничтожно малое количество таких людей, их можно пересчитать по пальцам: Лихачев, Солженицын, Аверинцев, Лидия Корнеевна Чуковская, для меня еще Астафьев, Белов (если отмени всю шелуху того, что он делает сейчас, останется великий талант сострадания, не назову другого, кто бы так меня «расплакивал» над судьбой человеческой). Снимали этот слой раз за разом, постоянно, последний исход – это нынешняя эмиграция, у меня, например, две трети друзей живут сейчас на Западе. Поэтому восстановительный период, и довольно длительный, просто неизбежен.

МН: А сами вы дружите с нынешними властями предержащими?

– Почти нет. Хотя в известном смысле власть меня любила всегда. Думаю, отчасти потому, что я никогда с ней не фамильяричал и не забывал добра, если оно было. Я помню людей из Бауманского района, начиная с Валентина Николаевича Мокеева, помню Серезу Купреву, Виктора Коробченко, Николая Гончара – всех, кто с разных этажей власти протягивал нашему театру руку помощи. Ведь подвал-то начинал жить из моего кармана, только в 1980-м в связи с Олимпиадой нам решили помочь: у входа еще лежат остатки уникальной металлической конструкции, задуманной так, чтобы мы могли играть спектакли везде. Этот замечательный титановый сплав стнил где-то в запасниках «Современника».

МН: Почему?

– Потому что на два года, 1981-й и 1982-й, мне запретили преподавать. Как сказал один партийный чиновник, выходя со спектакля «Две стрелы»: «Тебе ведь важно только прокукарекать, а там хоть не рассветай». Тогда же как-то рано утром мне позвонили подряд три корреспондента крупных западных газет и предложили сделать соответствующие заявления. У меня хватило хитрости отказаться, тем более, я понимал, что это не провокация ГБ – те ко мне нормально относились, потому что я их устраивал: не ввязывался в политические игры, ставил спектакли, и в подвал ко мне не стыдно было привести председателя Национального собрания Франции, министров культуры разных стран. В их преискуранте должно было быть такое блюдо – и оно было, не более того. Поэтому корреспондентам ответил так: только в одном случае я прибегнул бы к вашей помощи – если бы отечественная пресса не писала о моем театре столь много и доброжелательно.

МН: Где вы черпаете силы, чтобы пережить личные и прочие драмы?

– В себе. Меня много любили: обе бабушки, мама, вторая мама, Мария Николаевна. И первая жена моя, Людмила Ивановна, и нынешняя моя жена, Марина... Это создает определенный защитный слой, который хранит тебя в течение всей жизни.

МН: Вам не жалко, что ваш сын Антон из актера стал бизнесменом?

– Во все нет: мне кажется, что он был несчастлив, потому что не имел достаточно способностей к актерскому ремеслу, и я это откровенно ему говорил. Все произошло по какой-то дурной инерции: ребенком его взяли в кино, потом еще и еще раз... Я виноват перед детьми. Виноват, потому что ходил за славой, за деньгами и был очень молод. Понастоящему созрел для роли отца только тогда, когда дочь родила мою внучку Полину... Я ее ощущаю своим ребенком до такой степени, что как только ее обнимаю, то плачу, хотя не считаю себя сентиментальным человеком. К сожалению, вижу ее очень редко.

МН: Как складываются сейчас ваши отношения с «Современником»?

– Никак. Там есть люди, которых я по-прежнему нежно люблю, но если говорить про театр, то я не забыл, что было в 1980-м, когда прикрыли наш подвал. Сначала я бросился со своими четырнадцатью ребятами в Театр Советской Армии, где нам обещали малую сцену, но в самый последний момент Гришин запретил. Тогда я согласился возглавить гастролирующий театр комедии – опять осечка. Предложил в Подольске сделать театр – не дают. Наконец, иду в «Современник» и прошу: возьмите на три года, будем делать всю черную работу, а в свободное время готовить свой репертуар. А они отвечают «нет».

МН: Может быть, им просто не позволили сказать «да»?

– Не знаю. Но знаю, что и мне в свое время тогдашний глава ТВ Лапин категорически предложил снять с роли Голенищева-Кутузова в «Декабристах» актера-еврея, я отказался это сделать, и фильм был закрыт. У каждого в те годы были подобные случаи. Когда что-то решаешь, это можно отстоять.

МН: Каково материальное положение актеров вашей студии?

– К счастью, иное, чем в большинстве театров. Два с половиной года назад нашим генеральным спонсором стал Инкомбанк, что означает: одно жалование актеры получают от государства и минимум два – от банка, а можно и пять за реальную твою работу в этот месяц. Зачем это нужно банку? Я хорошо понимаю это как продюсер. Небольшие, но личные, заработанные за границей деньги я вкладывал в этот подвал, сейчас – в спектакль «Ужин» и знаю, что вложенные в это средства не пропадают даром. Я думаю, что мне вообще хорошо платят не только за то, что я делаю сейчас, но и за то, чего я не делал прежде.

МН: Вы счастливый человек, если успешно решаете проблему соединения храма и коммерции, которые, по общему мнению, не живут под одной крышей.

– Я не счастливый человек – я неворуящий человек, что не одно и то же. Правильнее сказать: экономически независимый человек. Это означает, что раз в два года я еду за рубеж и ставлю там спектакли. Этот гонорар вместе с моими московскими заработками и дает известную свободу в мыслях и поведении.

МН: Что волнует сегодня ректора одной из самых знаменитых театральных школ страны?

– Работа в Школе-студии МХАТа интересна прежде всего тем, что требует серьезного реформаторства, на которое у меня пока не хватает ни мужества, ни денег. С одной стороны, должно закончиться бесплатное театральное образование, которое во всем мире дело келейное и элитарное, с другой – я понимаю, что без талантливых учеников занятия мои бессмысленны, а значит, необходимо постоянно увеличивать количество специальных стипендий особо одаренным, будь это стипендия мэра Москвы, или моего друга, бизнесмена из Екатеринбурга Анатолия Павлова, или спонсоров из «Нипека», которые нам очень помогают. Помогают, хотя я не езжу на дачи их развлекать и ничем себя перед ними не унижаю – не надо думать, что это единственное условие контакта с новыми русскими. Так или иначе, но без их помощи не поднять строительство новой театральной школы, которая обязательно должна быть в России. И мне нравится, что многие сильные мира сего уже понимают, что культура – это часть их и нашего достоинства, и не жалеют на нее денег, особенно в провинции.

ДОСЬЕ «МН»

Табачков Олег Павлович родился в 1935 году в Саратове. В 1957 году окончил Школу-студию МХАТа. Один из основателей театра «Современник». В 1974 году организует студию, которая с 1987 года стала профессиональным театром. С 1983 года играет в МХАТе. С 1986 года – ректор Школы-студии МХАТа. Имеет двоих детей. Женат. Жена – актриса Марина Зудина.